

Anton Korolenkov («Novaia i Noveishaia istoriia» journal):

There is only one thing worse than fighting with allies, and that is fighting without them

Отношения России с союзниками с давних пор складывались непросто: ещё в XV в. Иван III был недоволен крымскими татарами, позднее Пётр I – датчанами и саксонцами, Екатерина II и Потёмкин – австрийцами и т.д. Александр III заявлял о том, что единственные верные союзники России – её армия и флот, но в конце своего правления заключил союз с Францией, вместе с которой Россия и вступила в Первую мировую войну. Как отмечают А.В. Голубев и О.С. Поршнева, ни наполеоновские войны, ни Крымская война не смогли посеять непримиримой вражды между обеими странами. А ведь с Германией, против которой этот союз очевидно был направлен, Россия в XIX в. не воевала, если не считать участия Пруссии в походе Великой армии в 1812 г. В 1907 г. удалось достичь и русско-английского соглашения, хотя, как показано в книге, у Англии в России оказалось куда меньше поклонников, чем у «прекрасной Франции».

Однако подлинным испытанием союзнических отношений стала Первая мировая война. Как известно, по мере неудач недовольство союзниками росло – даже многие либералы начали говорить, что Франция втянула Россию в конфликт с Германией, желая «ценой русской крови» вернуть Эльзас и Лотарингию, да и англичане, сражаясь, исходили лишь из своих «личных выгод». Утверждали, будто русская армия была разбита в Восточной Пруссии из-за того, что ради спасения Парижа (разумеется, по просьбе французов) начала наступление слишком рано¹². Между тем русские войска начали наступление в Восточной Пруссии почти за три недели до начала битвы на Марне, когда ни о какой угрозе Парижу ещё речи не шло¹³.

Как же всё это влияло на отношения с союзниками? После назначения в 1916 г. министром иностранных дел Б.В. Штюрмера, считавшегося германофилом, в Лондоне, если верить П.Н. Милюкову, русского посла гр. А.К. Бенкендорфа стали куда меньше, чем прежде, знакомить с секретными материалами, утверждая, будто те начали каким-то образом попадать к неприятелю. Подобные назначения, независимо от достоверности сообщения Милюкова, лишь затрудняли координацию действий между союзниками, необходимую для успешного ведения войны. Не способствовали согласию и публикации П.Ф. Булацеля, который писал о бесполезности жертв России, ибо результатом этого станет лишь ещё «более тяжёлое английское порабощение» (с. 162–164). Булацеля возмущало то, что англичане продвинулись «за два года войны на своём фронте на несколько сотен метров», но требуют от России «воевать не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги – германцы признают себя слом-

¹² Согласно другому популярному мифу такого рода, относящемуся уже ко времени Великой Отечественной войны, Висло-Одерская операция началась раньше намеченного срока по просьбе У. Черчилля из-за тяжёлого положения союзников в Арденнах (Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. М., 2011. С. 539). Однако в действительности кризис в Арденнах уже миновал, Черчилль не умолял о помощи, а просто спрашивал о планах на январь 1945 г., наступление же началось даже позже запланированного срока (Исаев А.В. 1945-й. Триумф в наступлении и в обороне: от Висло-Одерской операции до Балатона. М., 2008. С. 7–8).

¹³ Нелипович С.Г. Первый блин комом: Восточно-Прусская операция 1914 г. Саарбрюкен, 2012. С. 19.

ленными и согласятся на выгодный и почётный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русскими штыками»¹⁴. Это было откровенным передёргиванием (британский премьер Г.Г. Асквит говорил лишь о *возможности* привлечения германского и австрийского императоров к суду), но даже после принятых против Булацеля мер тот продолжал свои выходки, уверяя, будто «русские газеты могут в самых грубых выражениях отзываться о российских министрах, но не имеют права упоминать о речах английских премьеров иначе как с подобострастным восхвалением каждого слова, вырвавшегося из уст английских ораторов»¹⁵. Даже у крайне правых эти далёкие от истины утверждения вызывали протест и жёсткую критику, в результате Булацеля исключили из Русского народного союза имени Михаила Архангела¹⁶. Любопытно, что, высмеивая своих оппонентов как людей, «воспитанных в европейских шорах», этот публицист восхвалял Германию (тоже часть Европы!), забывая о каких бы то ни было «шорах».

К концу 1916 г. антианглийская кампания пошла на спад, а англофильство, по словам авторов, стало знаком оппозиционности. Широкие общественные круги были настроены на войну и победу, мирные же инициативы Вильгельма II считались неприемлемыми (с. 164–166). Вместе с тем, как отмечают авторы, если общество не желало ссориться с союзниками, то солдаты всё больше проявляли недовольство ими, подозревая, будто они «стараятся, чтобы Россия ослабла», а «главным виновником является Англия» и т.д. (с. 158)¹⁷. Это вело к неприятию войны как таковой, усиливало недоверие к правительству, связанному с такими союзниками, и тем самым «работало» на революцию.

Однако не только простые солдаты, но даже и высшее командование считало, что союзники умышленно «подводят» Россию (с. 155–156). Это и понятно – «бездействием» союзников генералы нередко оправдывали собственные промахи, причём «чёрная легенда» о союзниках создавалась подчас путём прямых подтасовок. Вот как, например, начальник постоянной русской военной миссии при французской главной квартире генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский «отредактировал» телеграмму полковника В.В. Кривенко о поездке в район сражения на Сомме. Жилинский зачеркнул слова «относительное спокойствие на Сомме, которое установилось в конце августа, объясняется не сомнениями командования в целесообразности продолжения боёв, а единственно необходимостью собрать на месте все средства, способные обеспечить успех крупного наступления, избегая при этом риска бесполезных потерь». Вместо этого он написал «попроще»: «Прекращение операции объясняется решимостью избежать потерь». Смысл такой «правки» очевиден – союзники просто не хотят воевать, ибо иначе трактовать боязнь потерь невозможно, тогда как Кривенко писал лишь о «бесполезных потерях», что далеко не одно и то же. А доклад об уроках сражений на Сомме и под Верденом Жилинский вообще запретил

¹⁴ Цит. по: Стогов Д. Предисловие // Булацель П.Ф. Борьба за правду. М., 2010. С. 19.

¹⁵ Цит. по: Горбачёва Л.О. Официальная пропаганда и формирование образа врага в российском общественном сознании в годы Первой мировой войны // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 13. Екатеринбург, 2013. С. 177.

¹⁶ Стогов Д. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Среди стран, требовавших наступления России, подкупая её правительство, солдаты указывали даже Италию (с. 158), хотя вряд ли кто-то из них знал, что именно наступление итальянских войск на р. Изонцо и их последующие действия заставили летом 1915 г. снять с русского фронта не менее 10 австро-венгерских дивизий, и это стало «единственной реальной помощью русским войскам» (Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 438).

отсылать, поскольку выводы Кривенко полностью противоречили тому, что сообщал в Ставку сам генерал¹⁸.

Русский военный агент А.А. Игнатьев отмечал, что русские офицеры, ехавшие во Францию с предубеждением против неё, «резко меняют мнения даже после самого поверхностного знакомства с французской армией». Однако их оценки в силу различных причин становились известны лишь немногим и на настроения в армии в целом не влияли¹⁹. Впрочем, среди посещавших Францию офицеров были и те, кто, как полковник А.К. Келчевский, в целом неплохо относившийся к французам, оспаривал разумность позиционной войны и считал, что союзники при их превосходстве в силах и крепком тыле «могли бы, и не раз, рискнуть после Марны... общим наступлением, чтобы раздавить врага»²⁰. На Сомме союзники не побоялись «рискнуть», но результат, несмотря на масштабы задействованных сил и огромные потери, оказался довольно скромным.

В книге отмечается как непонимание солдатами смысла войны, так и то, что попытки офицеров объяснить нижним чинам её цели обычно заканчивались неудачей: слова про защиту неведомых большинству из них сербов, про «честь и величие России» и т.д. не воодушевляли солдат, уже год или два сидевших в окопах и видевших одни поражения. Тем не менее им, похоже, не пытались указать на тот простой факт, что если не вести войну сейчас, пока у России есть союзники – возможно, воюющие и хуже, чем хотелось бы, но оттягивающие на себя половину сил врага, – то через два–три года, когда падёт Франция, бороться с Центральными державами придётся в одиночку.

Во время Великой Отечественной войны наша страна ощутила, насколько тяжело сражаться вообще без союзников. Между тем если в 1914–1917 гг. пропагандистское обеспечение войны оказалось совершенно неудовлетворительным, то в 1941 г. население прекрасно понимало, с кем и зачем идёт война. Власти же повели себя таким образом, словно США и Англия просто обязаны немедленно помочь СССР²¹ и в кратчайшие сроки открыть второй фронт. Сталин писал об этом Черчиллю уже в июле 1941 г.²² и открыто заявил о такой возможности 6 ноября. В Ленинграде сообщение об этом вызвало как удовлетворение, так и язвительные замечания: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь всё зависит от помощи Америки и Англии» (с. 304). Бесспорно, это было крупным преувеличением, но Сталин и в ноябре 1942 г. объяснял пора-

¹⁸ См.: *Ревякин А.В.* Восприятие военными кругами России положения на Западном фронте в 1916 г. // Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового света. М., 2010. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 140.

²⁰ Там же. С. 142.

²¹ Весьма показательны, например, записные книжки генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, ездившего в США в 1941 г. Активного сторонника помощи СССР Г. Гопкинса их автор характеризовал как «распоясавшегося фарисея, предельно зазнавшегося и зарвавшегося прихвостня большого человека», т.е. Ф.Д. Рузвельта (Записная книжка маршала Ф.И. Голикова. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 110). При этом Голиков, понося американцев как «саботажников», ни разу не вспомнил о том, что Соединённые Штаты даже не находились в состоянии войны с Германией, а между СССР и США не существовало соответствующего соглашения.

²² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 11. Впоследствии вполне серьёзно утверждалось, что англичане действительно могли высадиться во Франции уже в 1941 г. (см., например: *Самсонов А.М.* Вторая мировая война 1939–1945. Очерк важнейших событий. М., 1984. С. 158–159).

жения Красной армии отсутствием второго фронта²³. Голубев и Поршнева наглядно показали, что народ охотно воспринимал критику союзников, ожидал от них требования непомерно высокой платы за оказанные услуги и, конечно, выражал недовольство отсутствием активных военных действий, припоминая Англии её давнюю враждебность к России (к США отношение было заметно лучше). Советские граждане сетовали на то, что «мы всё ещё одни, а союзники всё ещё жалуются на плохую погоду». Некоторые из них даже утверждали, что «союзники наши, наверно, только брехать красиво умеют». Задержка в создании второго фронта вполне серьёзно объяснялась желанием ослабить Советский Союз. Когда советские войска начали брать верх, возникли опасения, что СССР останется без резервов и Германия будет поделена между США и Англией без участия Советского Союза. Стали сомневаться и в том, следует ли допускать Англию на Балканы (с. 311–325).

Кстати, представители союзников порою довольно болезненно реагировали на критику. Так, лидер республиканской партии У. Уилки, приехавший в 1942 г. в Москву и наслушавшийся в учреждениях и на предприятиях упреков, связанных с задержкой открытия второго фронта, заявил: «Я не могу приехать с этим на американские фабрики и заводы и сказать, что Россия недовольна Америкой – это отразилось бы на усилиях Америки и снизило бы темпы производства». Ему казалось, что американские рабочие будут обижены недооценкой их труда (с. 318–319). Разумеется, эти смехотворные рассуждения не имели никаких последствий. Тем не менее размещение в советских журналах карикатур на чрезмерно осторожных союзников в мае 1944 г. было запрещено (с. 287–288).

Однако союзникам в СССР приписывали не только излишнюю пассивность. Ходили слухи, что они ставят условием создания второго фронта роспуск колхозов (с. 317, 341), будто Ленинград, Баку, Архангельск и другие города сдают в аренду англичанам и американцам и жить благодаря этому станет лучше (с. 345). В роспуске Коминтерна иные видели уступку Западу, за которой последует и роспуск ВКП(б) (с. 343). Многие излишне оптимистично настроенные люди рассчитывали на смягчение политического и экономического строя СССР (с. 341), вели разговоры даже о свержении советской власти с помощью США и Англии (с. 338). Тех, кто с симпатией относился к политическому и экономическому устройству держав антигитлеровской коалиции, было немало. Но, пожалуй, только вполне «правоверный» адепт коммунизма Г.С. Эфрон (сын Марины Цветаевой), отмечая в дневнике военную слабость Англии и США, писал о том, что «подхлестывать союзников, торопить их и давать им военные советы – на это мы не имеем права» (с. 322–323). Возможно, тут сказывалось всё же его многолетнее пребывание во Франции. Между тем можно спорить о том, насколько было полезно для дела торопить союзников, но уж никак не о праве СССР на это, оплаченном кровью миллионов наших людей.

Безусловно, влиял на отношение к союзникам и ленд-лиз. Понимая, что никакие поставки не заменят второго фронта²⁴, многие с особой теплотой вспоминали о ленд-лизовой тушёнке, американской одежде и обуви, знаменитых «студебеккерах», значительно превосходивших по своим техническим

²³ Отсутствие второго фронта рассматривалось как единственная причина того, что победа над Германией «отодвигалась», и в официальной историографии (*Самсонов А.М.* Указ. соч. С. 195–198).

²⁴ Авторы приводят образчик чёрного юмора бойцов, которые иногда называли «вторым фронтом» заградотряды (с. 318).

характеристикам наши полуторки. Спрашивали, не потому ли немцы не бомбят Москву, что её небо защищает загадочное «чикагское планипо»? (с. 326). Пережившая войну женщина уверяла даже, будто посылки с консервами и тёплыми вещами от союзников разбрасывали с самолётов, хотя это, бесспорно, пример «сказочного преломления реальности в массовом сознании» (с. 327). Помимо того, что присылаемое союзниками облегчало жизнь людям, оно нередко выгодно отличалось от советских аналогов или вообще не имело таковых, и поэтому, очевидно, часто воспринималось как диковина.

Отношение к Америке и Англии в Прибалтике имело свою специфику. Англичан и американцев ждали там с нетерпением, но как союзников против СССР, в котором освободителя большинство населения отнюдь не видело. Ходили слухи, аккуратно фиксировавшиеся «органами», будто на шоссе Рига – Взморье видели автомашины с английскими офицерами и людьми в форме бывшей латвийской армии, что пароход, плывший по Западной Двине, вёз английских солдат и т.д. (с. 349). Со своей стороны, некоторые литовские поляки радовались тому, что в присоединённом к Литве Вильнюсе не выдают хлеба. «Я бы хотел, – признавался один из них, – чтобы населению города Вильнюс подольше ничего не давали». Вместе с тем ему было «трудно понять политику Англии и США, которые вместо того, чтобы совсем разбить монголов..., снабжают русских оружием и продуктами питания» (с. 355). Видимо, озлобление не позволяло уяснить то, что собственные интересы союзников заставляли их помогать СССР, а не воевать с ним. Впрочем, строго говоря, жителей Прибалтики и тем более литовских поляков вряд ли можно было тогда всерьёз считать частью советского общества.

То, что союзников подчас излишне эмоционально, хотя и во многом справедливо критиковали, понятно. Но зачастую недостаточной активностью, трусостью и эгоизмом союзников советское руководство пыталось оправдать собственные ошибки. Между тем до войны оно не раз заявляло о том, что не испытывает необходимости в союзниках. Так, в журнале «Партийное строительство» в 1939 г. говорилось: «Страна социализма не нуждается в помощи какого бы то ни было другого государства для защиты своей независимости»²⁵. 15 апреля, 24 мая и 5 июня 1941 г. посол США в Москве Л. Штейнгардт сообщал заместителям наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовскому и А.Я. Вышинскому, что его страна готова оказать Советскому Союзу помощь, если тот подвергнется вражескому нападению. Однако Вышинский высокомерно назвал подобное предположение слухами, рассчитанными на «слабонервных», а Лозовский безапелляционно ответил, что «Советский Союз встретит во всеоружии всякого, кто попытается нарушить его границы»²⁶. Но когда война началась, об этом уже никто не вспоминал – ни советское руководство, ни союзники.

В заключение нельзя не отметить, что А.В. Голубев и О.С. Поршнева пишут об «имагологии» (имеджинологии), «дискурсе», «матрице» и т.д., но, употребив все эти слова в начале книги, в дальнейшем их практически не используют, причём без всякого ущерба для своего исследования. И это лишний раз свидетельствует если не об искусственности данной терминологии, то о гораздо более скромной потребности в ней, нежели ныне считается.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

²⁵ Цит. по: Случ С.З. Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 г. и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг. от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 75.

²⁶ Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М., 2011. С. 359–360.